

Кубецкий Олег Михайлович

Опубликовано 31 августа 2012 года

Я родился в 1925 году в знаменитом роддоме имени Грау.

Мой отец был членом партии с 1918 года. В 1918 году он служил в автобоевом отряде, которое возило правительство. Сначала он жил в Кремле, а потом, в 1922 году, ему дали комнату в в Нижне-Кисловском. В 1925 году родились мы с сестрой близняшкой, а в 1930 году отца командировали в Сталинградскую область, в зерносовхоз для подготовки трактористов и комбайнеров, тогда 25 тысяч коммунистов послали в сельские районы, и мы всей семьей выехали туда. Сначала мы жили в Сталинградской области, потом отца перевели в Бронский район Рязанской области, а в 1933 году отец умер и в 1934 году мы вернулись в Москву и я с сестрой пошел в школу, а мама работала медсестрой в детской поликлинике, которая была прикреплена к школе. В 1941 году, когда началась война, мы уже окончили восемь классов. Надо сказать, что в 1941 году девятые и десятые классы перевели на платное обучение – надо было платить 200 рублей, а наша семья была нуждающаяся, мать работала одна, нас было двое, мы не могли платить, так что мы с сестрой поступили на первый курс авиационного техникума, где учились до 16 октября 1941 года

16 октября 1941 года – памятный день, тогда в Москве началась всеобщая паника. Это был четверг, я почему помню это – у нас по четвергам были практические занятия на заводе, это в районе Красносельской. Подходим к метро

«Арбатская», висит объявление – 16-го октября метро не работает. Позже уже, я узнал, что к 16 октября метро было заминировано и подготовлено к взрыву. В эти дни немцы уже вплотную подошли к Москве, рассказывали, что мотоциклисты по Ленинградке доезжали до моста через канал. Тогда началась эвакуация всех учреждений, заводов, были случаи грабежей, особенно часто грабили продовольственные магазины. Наш техникум закрылся, занятия прекратились. В начале января 1942 года по радио объявили, что студенты и преподаватели, желающие продолжить обучение, должны прийти и зарегистрироваться по адресу ул. Сенная, 30. Сестра не пошла, она пошла работать, а я вернулся в техникум и окончил первый курс. Потом стало совсем тяжело, и я тоже пошел работать. Меня пристроили учеником к печатнику в типографию Наркомздрава. Я работал на американских машинах, быстро освоился. Машина электрическая – рубильник включил, работает, тут только успевай один оттиск снимать, а чистый лист ставить. Чисто механическая, доведенная до автоматизма работа.

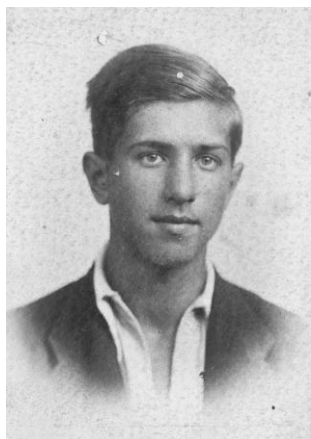
В августе 1942 года очень многих москвичей мобилизовали на работы в Подмосковье, на лесозаготовки. Меня тоже туда направили, мне тогда 16 лет было. Щелковский район Фряновский лесопункт, в 45 км от Щелкова. Там я работал 4 месяца. Норма – 2 кубометра дров на человека в сутки, если работают вдвоем, двухручной пилой, значит, надо 4 кубометра напилить, а напилить – это значить, свалить дерево, обрубить сучья, распилить на метровые поленья и уложить поленницу, к концу рабочего дня, приходил приемщик, замерял, все отмечал. По первости было сложно, никак мы эти 4 кубометра вдвоем не могли напилить, спина болела с непривычки. Но потом с одной дивчиной, она была постарше, такая здоровая деревенская девка, к концу мы с этой девчонкой уже по 8 кубометров давали, двойную норму. В начале декабря работу свернули, вернулись в Москву.

21 декабря было издано постановление о мобилизации мужского населения 1925 года рождения. Я с детства, прямо с первого класса мечтал только на флот, так что когда меня в военкомате спросили: «Где хотите служить?» Я сказал: «Только на флоте». Но этот вопрос был только для проформы, в военкомате уже знали кого куда пошлют. Всех ребят 1925 года рождения, окончивших семилетку, направили во 2-е московское военно-пехотное училище на Филях. За 6 месяцев

прошли ускоренный курс. Я отучился там пять месяцев, а в июне 1943 года все училище направили в действующую армию, причем не только наше. Привезли в Тулу, там на переформировании находилась 4-я Гвардейская армия, она пришла из-под Сталинграда, и нас направили на ее пополнение, причем, даже не ефрейторами, а рядовыми, хотя мы через месяц должны были выпуститься офицерами. Там были курсанты из Тульского пулеметного училища, Телавского, Тамбовского – много курсантов.

В 4-й Гвардейской армии было два корпуса – 20-й и 21-й гвардейские, они формировались из воздушно-десантных дивизия. Я попал в 8-ю гвардейскую воздушно-десантную дивизию. Но никаких прыжков мы там не совершали, обычная пехота.

В это время как раз началась Курская битва, нас погрузили на эшелоны и привезли в Курскую область, в район Старого Оскола, село Чернянко, Чернянский район. Расположились в лесу, а потом началась подготовка к боевым действиям – учебные атаки, рытье окопов полного профиля, рытье огневых позиций для артиллеристов, стрельба боевыми патронами, бросание боевых гранат.

5 августа мы снялись и пошли к фронту. Что значит пошли? На солдате скатка, лопатка, противогаз, автомат, вещмешок. В вещмешке котелок, ложка, кружка, пачка патронов, 300 штук, один запасной снаряженный диск. Плюс мы, сменяясь, несли запасные диски к ручному пулемету, у нас на отделение один ручной пулемет Дегтярева был. Правда, как только пришли на фронт- противогазы повыбрасывали, втихаря сняли, выбросили. А вот лопатку мы никогда не выбрасывали. Никогда! Лопатка – это твоя жизнь! Как только остановились, пусть даже маленькую ячейку обязательно выкопаете. Мы могли даже котелок выбросить, потом новый найдем, а вот лопатку нет, лопатку мы никогда не выбрасывали.

Шли мы только ночами, 20-25 дней, каждую ночь по 40-60 километров. А мальчишки-то ослабленные были, постоянно хотелось жрать. Идешь и ждешь

команду: «Привал вправо!» С дороги сошел, с себя сразу все снимаешь и тут же проваливаешься в 15-минутный сон. Потом команда: «Выходи, строиться на дорогу!» – и снова вперед. Днем уже отдыхали.

19 августа 1943 года мы пришли на передовую – Сумская область, Ахтырский район. И здесь вступили в бой. В Курской битве я участвовал 6 или 7 дней, уже на заключительном этапе. Ночью мы сменили на передовой одну часть, и утром вступили в бой. Наша дивизия вступила в бой 17 августа, но не наш полк, а соседние. Наш 25-й был введен в бой 19 августа.

Из-под Ахтырки мы резко повернули на юг, на Полтаву. И первый населенный пункт, который мы освободили, был Котельва, Котельевский район Полтавской области, примерно в 65 км от Ахтырки. К Котельве мы подошли ночью, сменили какую-то часть. Как только не перепутали... Подошли к передовой, какой-то славянин, на фронте немцы – это фрицы, а наши – славяне, так вот какой-то славянин вылезает, а ты занимаешь его окопчик, сплошной линии окопов там не было, отдельные окопчики.

Утром, рассвело, осмотрелись, где мы находимся – в огороде дома, тогда половина Котельвы была еще у немцев. Дом был кирпичный, с металлической крышей, но когда мы там оказались, он уже был разбит снарядами, железо с крыши было сорвано. Огляделись – вокруг высокая кукуруза. Сидим, ждем команды. Тут начал накрапывать дождь. Я свой окопчик углубил, накрыл его листом железа, вроде прикрылся. День прошел, нас никто не тревожит. Ночью тоже. Так пару дней и сидели. Затишье.

Утром командир взвода, только начало рассветать, посылает своего связного, мы их звали «придурки», на командный пункт роты, телефонной линии-то нет, и рации не было, так что каждый взвод посылал на КП роты связного, чтобы, если будут какие-то распоряжения, он передал. И вот командир послал связного, Жураев, кажется, его фамилия была, не успел он зайти за угол дома, где у меня окопчик был, командир взвода кричит: «Жураев, ну-ка вернись», – тот возвращается, а командир посылает меня. «Иди ты, ты потолковее, а то он там что-нибудь напутает», – тем более, знали, что я москвич, а тогда москвич – звучало. Я

благополучно прошел на командный пункт роты, просидел там целый день, никаких распоряжений от командира роты не было. День был жаркий, солнечный, никаких распоряжений не было. Меня посылают обратно. Спрашивают: «Карту читаешь?» «Конечно». Достает топографическую карту. Я говорю, там вот эта улица простреливается. Говорит, вот здесь пройдешь, обойдешь. Благополучно вернулся. Прихожу в этот дворик. Смотрю. Не узнаю, тот или не тот. Дом вроде тот. Тихо, никто не высовывается. Подхожу к своему окопчику, вижу там

сидит, согнувшись, наш солдат в скатке, убитый, от него уже запашок пошел, жаркий день был. Вылез командир взвода. Помню первый вопрос: «Кто это?» «Это наш пулеметчик». Рядом с моим окопчиком был окоп ручного пулеметчика, у него окопчик мелкий был, я ушел, а он занял мой окопчик. Вскоре после моего ухода немцы обстреляли шрапнельными снарядами нашу позицию и пулеметчик погиб. Если бы комвзвода не вернул своего Жураева обратно и не послал меня туда, в этом окопчике 100-процентно сидел бы я...

2 сентября, кажется, пошли дальше в наступление. По улице идти нельзя – там немцы все пристреляли и мы сзади домов по садам продвигались. Тут перекресток, а на перекресте стоит двухэтажный кирпичный дом, то ли это школа, а на чердаке этого дома немецкий пулеметчик засел – не пройти. Мы остановились, что дальше делать? Старшина, который нами командует, давайте, сосредоточим весь автоматный огонь по чердаку, не дадим ему высунуться, и так пересечем перекресток. Так и сделали. Рванули туда, уже почти пересекли перекресток, а он, гад... Стрелять он не стрелял, спрятался, но тут высунулся и бросил гранату. Граната взорвалась у меня за спиной. Я почувствовал удар в щеку. Смотрю, за ухом пошла кровь. Я в стороночку, у нас у каждого было по 2 перевязочных пакета, попросил, чтобы меня перевязали. Один пакет, второй

пакет намотал, такая башка в бинтах. Ночь провел в хате, где раненые размещались. Наши дальше пошли, а у меня голова болит, рот не открывается. Утром проснулись, тихо, где-то вдалеке гремит бой. Один из солдат повел нас, ходячих раненых в полковую санчасть. Пришли. Меня посмотрели. Я говорю: «Думаю, что у меня артерия повреждена». «Если бы у тебя была повреждена артерия, ты бы сюда не пришел, там бы и остался». Развязали бинты, выбросили, приклеили нашлепочку, антисептик. Ввели противостолбнячную сыворотку. И в карточке написали слепое осколочное ранение мягких тканей черепа без повреждения кости. А дальше там в карточке символы: может быть эвакуирован: пешком –нарисована человеческая фигурка, автомобиль, самолет, их так в кружочек брали, чтобы не писать. Мне отметили пешком, до медсанбата 6 километров, машины очень редко ходят, ждать долго. Мы ходячие собрались, давайте, пойдем пешком. И пошли. Пришли в медсанбат. Мне там наложили повязку, а на следующий день нас погрузили в крытые машины, и повезли в госпиталь. Госпиталь для легко раненых находился в Большой Писаревке, громадное село.

Привезли, разместили по хатам. Нас в хате трое было, хозяйка нам на пол соломы настелила, там мы спали. Ездит кухня. Выходишь, тебе наложат каши, и таким образом кормили. У меня рана начинает болеть. Перевязку делают, считают, что слепое, осколочное ранение, без повреждений кости, легкое, а у меня все сильнее и сильнее болит. И так до 14 сентября. Однажды ночью так разболелось. Я сел на соломе, чувствую, что у меня из раны кровь пошла. Встал, дошел до перевязочной, там метров 800 идти было, дежурная сестра посмотрела, ввела хлористый кальций, наложила давящую повязку И оставила на кушетке до утра. Утром пришли хирурги. Посмотрели и определили – пульсирующая гематома наружной сонной артерии. Это кровяная опухоль. Осколок надорвал наружную артерию немножечко, а когда кровь здесь застыла, она закупсулировала это место, сгусток крови закрыл эту дырочку... Положили на операционный стол. Написали прямо на истории болезни красным карандашом – эвакуировать срочно самолетом. Тут же подтащили носилки, меня на носилки и в самолет. Привезли в Курскую область, Красная Яруга, там на территории сахарного завода базировался Днепропетровский военный госпиталь, он был эвакуирован из Днепропетровска, когда немцы наступали. Меня помыли в бане и

вечером на операционный стол. Оперировал ведущий хирург госпиталя и начальник госпиталя. Света не было, оперировали при керосиновых лампах или свечах. Сделали разрез и перевязали наружную сонную артерию. У меня, после операции, сперва, левый глаз не закрывался и я спал не левом боку, чтобы прикрыть веко.

25 октября 1943 года, когда Днепропетровск был освобожден, пришел приказ вернуть госпиталь в Днепропетровск, а всех раненых отправить в Тамбов. В начале ноября нас погрузили в теплушки и привезли в Тамбов. Месяц я там пролежал, у меня немножечко отошло. Меня обследовали и написали – годен к строевой службе.

2 января 1944 года отправили меня на пересыльный пункт, чтобы определить в часть. До него надо было идти около пяти километров, по полю. Ветер, мороз и пока я дошел – меня здорово продуло. Я два дня был на пересыльном пункте, а потом у меня открылась рана и меня опять отправили в госпиталь, только уже в другой, который был в музыкальной школе Тамбова. Немножко зажило. Мне была необходима физиотерапия, а так как электричества не было – мне в госпитале никакого лечения обеспечить не могли. А я, когда работал в типографии Наркомздрава, у нас председателем месткома была Фокина Ольга Михайловна – чудесная женщина, у нее сын 1923 года погиб в начале войны. Она ко мне по-матерински относилась, и я решил – дай-ка я напишу ей. Написал ей письмо, что мне требуется физиотерапия. Через некоторое время утром часов в 8 заходит в палату почтальон: «Кто Кубецкий?» «Я». «Получите телеграмму». Читаю: «Ранбольшого Кубецкого, находящегося на излечении в госпитале № 59-49, по согласованию с лечсанупром Кремля направить в Москву в госпиталь 50-22. подпись: полковник медслужбы такой-то». Телеграмма адресована начальнику госпиталя, а поскольку пока никого не было, персонал госпиталя с 9 часов работал, ее вручили мне. Только дождался 9 часов, сразу к начальнику госпиталя. Он читает. Вызвал старшую сестру – срочно собрать. Я пообедал, в поезд и в Москву. Приехал в Москву, сразу в госпиталь не пошел, пробыл дома 4 дня. Что это был за госпиталь? Госпиталь курортологии, это на Новинском бульваре. Госпиталь для vip-персон – там генералы лечились, Герои Советского Союза. Мне быстренько назначили электропроцедуры. Прележал я там месяц. Выписали

– годен к строевой. Сначала в батальон выздоравливающий, а потом направили на 3-й Белорусский фронт в 33 армию.

В марте 1944 года прибыл в запасной полк армии, на станции Лиозново Могилевской области находился. Меня опрашивают – откуда, что, чего. Командир учебного батальона спрашивает: «Какое образование?» «9 классов. 8 классов школы и курс техникума», – а тогда ведь в офицерские училища с 7-ю классами брали, это считалось неполное среднее, а большинство – 5 классов. Комбат на меня посмотрел – москвич, образование 9 классов и направил меня в учебное разведподразделение, нас должны были учить на армейских разведчиков. 4 месяца учебы и нас выпустили сержантами. Заканчиваем мы обучение и комбат решил проверить, как мы знаем, какие мы почерпнули знания, как мы будем обучать своих рядовых бойцов тому, чему научились сами. Мне досталось устройство гранаты РГ-42, а мы же еще в училище все стрелковое вооружение изучали, так что я устройство РГ-42 отбарабанил с закрытыми глазами. Комбату понравилось, как доходчиво я объясняю, говорит: «Сегодня в 20 часов прибудьте в мою землянку». Пришел, доложил. Он говорит: «Учились в училище?» «Да». Причем он ко мне на «вы» обращается, на фронте, чтобы солдата на «вы» – никогда. А комбат продолжает: «Как вы смотрите на то, что бы мы вас послали на трехмесячные курсы младших лейтенантов?» А мне почему-то так не хотелось стать офицером. «Товарищ капитан, разрешите подумать». «Подумайте. Завтра утром дайте мне ответ».

Думаю, нет, не пойду, не хочу быть офицером. Прихожу: «Товарищ капитан, пожалуй, я откажусь». Он мог послать приказом и все, но: «Очень жаль. Идите».

Тут как раз началась операция «Багратион». Двинулись, войска пошли в наступление, армия тоже снимается, идут тылы армии. Нас предупредили, что мы пойдем, как полевые военкоматы. В освобожденных местностях передовые части уже предупредили мужчин от 18 до 50 лет, что их призывать будут, так что готовьтесь. Мы приходим в село, заходим по хатам, они уже с котомками. Усаживают нас за стол, самогонка, жара. Мы идем в форме, они идут в своей одежде, пьяные, жара. Передовые части ушли, тылы еще не подошли, жрать нечего. Рожь молочно-восковой спелости, обожжешь колосья на костре и варишь

эти зерна. Втихаря подкапываешь картошки, кустов 20 придется прокопать, чтобы наварить котелок картошки. Прибыли на Неман. Форсировали его, Неман форсировали и тут меня перевели в войска – 70-я стрелковая Верхнеднепровская дивизия, 65-я отдельная разведрота.

Разведчики особая каста – разведчикам разрешалось носить волосы, никаких построений, в наступление разведчики не участвуют, как пехота. Пехоту, особенно в наступлении, косило, а разведка так, в наблюдении, может, пошлют в тыл наблюдать.

В роте один интересный случай был. Добровольно сдался немецкий солдат, он был поляк, но их почему-то называли фольксдойче, народный немец. Забрали их в немецкую армию, и вот он сдался сам, пришел к нам в разведроту. А он хорошим часовым мастером был, а у разведчиков часов ого-го было, некоторые были неисправны и мы, вместо того, чтобы отправить его в штаб, оставили у себя в роте, повару помогать, ну и часы чинить, у него всякие инструменты были. Он дрова заготовливал, воду таскал. Один раз даже обнаглели до такой степени, что хотели его караульным поставить – мы поспим, а ты покараулишь. Потом все-таки в штабе разнюхали, командиру роты нагоняй.

Потом нас, не всех правда, отправили в 252-й стрелковый полк 70-й дивизии на разведку. И с разведкой был один такой эпизод. Из-под Шауляя нашу дивизию бросили на Клайпеду, она тогда Мемель называлась, его в 1939 году немцы у Литвы отхватили и включили в состав Восточной Пруссии. И вот ночью 9 октября 1944 года мы перешли границу Восточной Пруссии и хотели сходу взять Клайпеду, не получилось. В 6 километрах от Клайпеды встали в оборону. Пришла пора работать нам – разведчикам, лазать за «языками». А ребята уже сачковать начали – пойдут, увидят, что нельзя – возвращаются. Говорят, осветили ракетами, обнаружили. Пять «о» – обнаружил, осветил, обстрелял, отошли, отдыхаем. Командир говорит: «Должно быть на четыре «п». Пошли, поймали, привели, пьянствуем. Вот какие должны быть разведчики, а вы ...о-о».

И вот под Клайпедой мы все никак не могли языка привести, несли потери, но, в конце концов, вот что придумали – сделать дневной налет. Выбрали место, где

самая узкая нейтралка, разведали что у них, немцы они же педантичный народ. В 12 часов у них обед – они одного часового оставляют и идут по своим землянкам обедать. Саперы проверили нейтралку, что у них там? Ага, минные заграждения, а дальше просто спираль Бруно. Решили, ночью саперы разминируют, сделают проход, разрежут проволоку, к концам привяжут телефонный кабель и этот кабель ночью протянули в воронки из под бомб и снарядов, там их много было, и в эти же воронки сядут наши ребята. Решили как? В 12 часов немцы пошли обедать, затишье, группа захвата, молча, без всяких криков, без всякого ура, стремглав несется к проволоке. Растаскивает там, один в одну сторону, другой в другую сторону, освобождают проход, устремляются в этот проход, хватают первого попавшего фрица и тащат. Причем уже договорились с артиллерией, что она наш отход прикрывать будет. Перед этим в тылу примерно сделали макет, как получится или не получится. Получилось. Все отрепетировали. Пошли, я в этом налете не участвовал. Проволоку растащили, схватили офицера, притащили его и уже на нашем бруствере немецкий снайпер убивает немецкого офицера, «языка», и нашего старшего лейтенанта. У немца был планшет был, живой то «язык» предпочтительнее.

Решили повторить в ночь на 1 января 1945 года. Опять хотели растащить, но уже в другом месте. Для того, чтобы сделать разрез послали двух наших саперов и двух разведчиков, которые прикрывали. А артиллеристов предупредили, ребята, вы до 12-ти часов не стреляйте, потому что в 12 часов мы будем фрицев с Новым годом поздравлять. А тут на Новый год как раз снежок выпал, первый, а у нас белых масхалатов не было. Тогда командир полка приказал выдать на вещевом складе самые большие размеры нательного белья и мы кальсоны натянули на ватные брюки, здоровые рубахи на телогрейки, автоматы перетянули бинтами, шапки тоже чем-то замаскировали. И пошли. Саперы ползут, а мы с двух сторон, я с одной стороны, другой разведчик – с другой. Ползем под самой проволокой, но замешкались. Не успели мы до 12-ти часов. Наши артиллеристы, как вдарили, и мы оттуда уносить ноги. Опять ничего не получилось. В прошлый раз хоть какие-то документы, карты были в планшете. А в этот раз вообще ничего не получилось.

Потом приходит сотрудник нашей дивизионной газеты, рассматривает послужные списки. Смотрит мой: «Ага, печатник», – а им как раз нужен был печатник. Меня в типографию. На грузовике была смонтирована американка, но в типографии если рубильник включишь и все работает, то там было колесо метра в два в диаметре и педаль. Для того, чтобы сделать один оттиск надо было нажать на педаль четыре раза. Причем газета была двухполосной, сначала первую полосу набирают, но оставляют место для сводки, так что мы, сперва, вторую полосу печатали, потом в 12 часов радисты сводку примут, принесут, наборщик ее наберет и первую полосу печатаешь. Тираж 1000 экземпляров. 8000 раз ногой вот так – тяжело. Я один экземпляр сделал, прихожу к начальнику типографии, говорю: «Хоть в пехоту, хоть в штрафбат, отпустите, не могу больше». Сжалились. Согласовали. Отпустили. Но я уже вернулся не в разведроту, а направили меня в отдельный истребительный противотанковый дивизион. ОПТД. Мы расшифровывали – ой, помогите, танки давят. Пушки там были 76-мм ЗИС-3 образца 1942 года. Хорошие пушечки. Мы пока стоим еще в обороне, меня туда наводчиком. И пока мы здесь стоим, меня вводят в курс дела. До 28 января стояли, меня наводчики других орудий натаскивали. Но пока стояли в обороне – не стреляли.

Потом немцы сами стали отходить, ночью, а чтобы их не преследовали, у них такое приспособление было – машинка с часовым механизмом, которая сама осветительную ракету выстреливала. Они завели эту машинку, вставили несколько осветительных ракет и потихонечку отступают. Наши периодически освещают, смотрят передок, нет ли кого. И эта машинка стреляет, как будто на переднем крае кто-то есть, стоит. А на самом деле они отходят. Это на нашем участке. Правда, на другом участке было сопротивление. А мы утром проснулись, смотрим – немцев нет, только машинка. И пошли вперед.

Пришли в Клайпеду. Стояли недолго, так переночевали, музыкальный взрыв устроили. Квартира, стоит рояль, открываешь крышку, кладешь 200-граммовую

толовую шашку, такой 10-сантиметровый кусочек бикфордового шнура, вставляют туда, крышку рояля закрывают и уходят в другую сторону. Музыкальный взрыв...

Немцы отходили, гражданские эвакуировались, а мы стремительно шли вперед. Ворвались в Гранц, а у них еще все рестораны работали. Подошли к Кенигсбергу, здесь таких боев не было. Немцы отходили, нам стрелять не приходилось. Местечко Гроссфринрихсберг, там у немцев кирпичный завод – кирпичная труба и молодые лейтенанта развлекались. Взвод два орудия, наш первый взводи второй, там другой лейтенант. Спорили: «Давай из пушки, сшибешь или нет». Как дети, пацаны...

В этом Гроссфринрихсберге наши орудия расположились, а сзади нас в 30 метрах Су-152, стояли. Там какое-то шевеление. Смотрим – вроде там танки ходят. Командир взвода мне говорит: «Давай, по-моему, там Фердинанд прошел. Давай зажигательным». Расчет 6 человек должен был быть, командир орудия, наводчик, заряжающий, подносчик снарядов и два правильных, а тут я один. Выстрелил, подбил. Смотрю, задымился, загорелся.

Пошли дальше, наступаем на Кенигсберг. Однажды четверо суток не пришлось спать, уже падали. Продвинулись вперед, ночью копаем огневую позицию, это надо круг диаметром 7 метров выкопать, примерно на 30 сантиметров углубить. Всю ночь копаешь огневую позицию, а утром снова вперед и ночью новую позицию копаем.

Как-то нужно было пересечь поляну, а немцы на другой стороне были. Мы орудия выкатили, а они нас из минометов обстреляли. У нас, правда, рядом был немецкий блиндаж с ходом сообщения и как только начали мины падать я сразу прыгнул, в ход сообщения и подвернул голеностоп. Наступить больно. Давай в санбат, даже не санбат, а полевой госпиталь. С машиной, которая отвозит пустые гильзы, добрался до госпиталя. Думаю, из этого госпиталя уже в свою часть не попадешь, куда-нибудь загонят в пехоту, и я оттуда смотался, а наши уже вперед ушли. Я потихонечку ковыляю, нашел немецкую винтовку, взял её на всякий случай. Нашел на дороге брошенный велосипед, у него колесо спущено было, шоферы накачали – держит, и я покатил. По дороге спрашиваю, где 70-я дивизия.

Еду, еду. Наконец, доехал до нашей 70-й дивизии, думаю, славу богу. Причем – еду на велосипеде, смотрю, сидит группа немецких пленных, а я же пацан, не сразу доперло. Я велосипед в сторону, нашел нашу листовку, приготовленную для немцев, подошел к ним, достал эту листовку и начинаю им читать, причем по-немецки, у меня немецкий язык был всегда на отлично. А потом думаю, чего я им читаю, когда они уже в плену?

Нашел своих. Это было 15 апреля, а у нас была задача к 25 апреля выйти на побережье Балтийского моря. Мы вышли на 10 дней раньше, 15 числа вышли на побережье Балтийского моря. И на этом для нас война закончилась.

9 мая мы стояли на побережье Балтийского моря. Стоят орудия, нацеленные в море. И вот ночью наши радисты говорят, из штаба дивизии сообщили, что немцы подписали акт о безоговорочной капитуляции. Война закончилась. Что тут началось! Из пушек салют! Кто из пистолетов, кто из автоматов. Ракеты салютовали.

Война закончилась. Нас привезли в Гдыню, польский город. 13 старших возрастов сразу демобилизовали. В сентябре 1945 года вторая демобилизация по 15-й год рождения. Это 30-летние. В дивизии сразу остро стало не хватать водителей, срочно организуют курсы водителей. Я попросился, умолил и меня отпустили на курсы. Учусь 3 или 4 месяца, заканчиваю курсы, а там машины – на колодках стояли, додж три четверти, тягачи. Чистишь их, моешь, никакой практики езды. Тут пришла разнарядка из штаба корпуса – выделить одного шофера вместе с машиной додж. Я к нашему автотехнику, упросил его. Он мне дал додж, его немцы у нас отбили, а потом мы у немцев, но немцы к этому времени вместо брезентового навеса сделали там такую фанерную будку, и вот техник дал мне этот додж и говорит, давай в распоряжение управления командующего артиллерией корпуса. Бак закачали полностью, 114 литров, две канистры в кузов. Приехали туда. Там авторота. Мне сразу говорят, бензин у тебя есть?

- Да. Полный бак.

- Давай, сливай. Оставь немножко.

Там стояла подпольная бочка была, бензин сливали, а потом продавали полякам. Так и служил.

- Спасибо, Олег Михайлович. Еще несколько вопросов. Чем были вооружены в 1943 году?

- Все были вооружены автоматами ППШ

- Как вам автомат? Надежный не надежный?

- Не сказал бы, что надежный. Этот отказывал, особенно если чуть песочек попадет. Если новый автомат – диск плотно в гнездо встает, а более потрепанный – люфт, чуть-чуть перекося, уже патрон не идет в патронник. Так что отказывал. Даже некоторые потом уже на фронт, автомат оставляет, а берет простую трехлинейку, та уж безотказная. Простая трехлинейка – это надежнее. Автомат тоже весит с полным зарядом – 5900. А винтовка – 4 кг 500 гр. Она и легче. В автомате 71 патрон в диске.

- Как снаряжать диск? Тяжело?

- Нет. Крышка снимается, там такая спиралеобразная канавка, патрончики ставишь вокруг, он никуда, закрываешь крышкой и все.

- Чем кормили на фронте?

- Сейчас крабы деликатес, а на фронте нам давали крабы вместо мяса. В 50-м году в Москве рыбы не было, все было заставлено крабами, никто не брал. Нам давали баночку крабов на два человека. В основном суп-пюре гороховый и на второе каша. Рис из-под дуги, называли. Овсянка. А перловку звали шрапнель. Или овсянка или шрапнель или ячневая каша. Вот три вида.

- 100 грамм давали?

- Да, зимой. Как раз под Новый год 1945. Чего там 100 грамм? 100 грамм получил – во фляжку. Завтра получил 100 грамм – во фляжку. И вот так 5 дней, уже пол-литра. Что это 100 грамм, тем более стояли в обороне. Под Новый год поднакушались. А я тогда вообще не пил, вместо водки давали шоколад. И не курил. Закурил где-то в ноябре. Мужики, которые постарше, что ему эти 100 грамм. У каждого фляжка. И вот уже пол-литра.

- После госпиталя хотелось в свою часть вернуться?

- Хотелось, только как вернешься? За 6 месяцев настолько ушла вперед. Это может быть, офицерский состав возвращали, а так все.

- Когда вы переходили границу с Германией, было желание мстить?

- У меня не было. Только мы перешли границу в 1944 году, вышло постановление о том, что разрешается из-за границы посылать посылки один раз в месяц до 8 килограмм. У многих наших солдат, военнослужащих, семьи остались на оккупированной территории, носить было нечего. Из немецких плащ-палаток шили юбки. Посылали посылки. А откуда? Конечно, грабили. Некоторые уходили, закапывали, сейчас раскопают, точно, какой-то сундук с хорошими вещами.

- Вы посылали посылки?

- Ни одной не послал. Мы жили в Москве, нас так не разоряли. Генералитет тащил эшелонами.

- С гражданским немецким населением приходилось сталкиваться?

- Когда восточная часть Восточной Пруссии отошла нам, а западная часть отошла Польше была такая растяжка – Выкинем немцев за Одер! Поляки немцев выгоняли немцев за Одер. Немцы ехали с узлами в теплушках. А поляки их грабили самым настоящим образом. Так наши солдаты охраняли немцев, причем добровольно. Охраняли от поляков, которые грабили немцев.

А вообще как только пришли в Гдыню, уже война закончилась, так там был приказ Рокоссовского, те, кто заболел венерической болезнью будет отвечать по 5 статье, за самоволку.

- Больные были?

- Были. В госпиталях пели: «Гонореечка, не канареечка». Или: «Дайте в жопу мне укол, а в руку вливания, с пиракетой на х... вам спою страдания». Все госпиталя были забиты венериками. В основном гонорея. Мне посчастливилось. Я был очень скромный мальчик. Был так воспитан. Некоторые такие нахалы, я просто удивлялся. Может, это меня и оберегло.

- Насиловали или по обоюдной договоренности?

- По обоюдной. Женщины наголодались, мужиков нет. Пришли русские, им одно удовольствие.

- Насилия не было?

- Было. Даже под Кенигсбергом, когда догонял на велосипеде свою часть, встретил. Какая-то куча мусора и совершенно раздетая мертвая женщина валяется. Насилие было. Но наш народ жалостливый. Стояли в деревне, немцы идут, обязательно с ними здороваемся. Говорили, морген. С мирными жителями по мирному. Даже после войны играли в футбол. Их футбольная команда и наша футбольная команда.

- Спасибо, Олег Михайлович.

Интервью: А. Драбкин

Лит.обработка: Н. Аничкин